

Проснувшись, Чжоу Тун ощутил во всем теле необыкновенную, звенящую легкость. Каждая клеточка дышала такой свежестью, словно путника, умиравшего от жажды в бесплодной пустыне, наконец-то напоили чистой водой. Прежняя вечная усталость, годами давившая на плечи, бесследно испарилась. Мысли текли кристально ясно, вот только он никак не мог вспомнить, что же заставило его так преобразиться.

В памяти смутно всплывал лишь глубокий полуночный бред: тело горело, точно в лихорадке, его словно пожирал неистовый огонь. А дальше — сплошной провал.

— Станный сон, — пробормотал Чжоу Тун.

Он рывком поднялся, обулся в домашние тапочки и направился в ванную. Но стоило ему взглянуть на свое отражение, как он застыл на месте, потрясенный увиденным.

Из зеркала на него смотрел молодой человек с непривычно бледной, почти фарфоровой кожей, тонкими чертами лица и мягким изгибом губ. Цвет лица сделался несравнимо лучше, но изумило Чжоу Туна вовсе не это.

Его поразили собственные глаза.

Это был взгляд, лишенный всего человеческого. В левом глазу безмолвно скользила темная рыба Инь, в правом — светлая рыба Ян. Сливаясь воедино, они образовывали совершенный узор Тайцзи и Восьми триграмм.

В «Книге Перемен» сказано: «Перемены рождают Великий Предел, Великий Предел рождает Две Ипостаси». Инь и Ян — первооснова всего сущего, нерушимый фундамент бытия. И теперь этот космический порядок отражался в его зрачках.

Этот диковинный взор показался Чжоу Туну смутно знакомым. Стоило ненадолго задуматься, как в памяти мгновенно всплыл источник. Он бросился в спальню покойного отца, Чжоу Да, и принялся перерывать книжные полки. Найдя заветный трактат «Тайное Сокровище Десяти Тысяч Законов», он торопливо пролистал оглавление до главы «Инь-Ян». Так и есть. На пожелтевшей странице красовался рисунок точно таких же глаз.

То были легендарные глаза Инь-Ян. Левый глаз зрил мир ушедших и все мертвое, правый — мир живых. Соединенные вместе, они позволяли созерцать сокровенное движение энергий, видеть призраков и постигать саму суть вещей. При должной подготовке обладатель такого дара мог безошибочно различать линии судьбы, предсказывать будущее и даже перекраивать чужие жизни.

В голове Чжоу Туна воцарился полнейший сумбур. Как он ухитрился обрести такое сокровище за одну ночь? Вернувшись к зеркалу, он принялся пристально разглядывать необычные зрачки. Наконец, обреченно вздохнув, он горько усмехнулся:

— Интересно, если я скажу людям на улице, что это просто новые цветные линзы, спросят ли они контакты продавца? Выглядит-то и впрямь чертовски эффектно.

Стоило этой мысли оформиться, как мистические рыбы, словно уловив его легкое недовольство, бесшумно растворились в глубине глаз. Взгляд снова стал совершенно обычным. Чжоу Тун опешил. Он прильнул вплотную к стеклу: лишь в самой глубине зрачков едва угадывались крошечные, едва заметные контуры древнего знака. Посторонний ни за что бы ничего не заподозрил, если бы не вглядывался ему прямо в душу.

— Поразительная вещь, — прошептал он.

Опасаясь скрытых ловушек столь внезапного дара, он на всякий случай внимательно изучил все разделы «Тайного Сокровища Десяти Тысяч Законов», посвященные зрению Инь-Ян. Однако на страницах книги автор лишь расточал восторженные хвалы, не скрывая страстного желания самому обрести эту силу. Немного успокоившись, Чжоу Тун почувствовал, как пустой желудок настойчиво требует завтрака, и направился в сторону кухни.

Раздался звонкий металлический лязг — Чжоу Тун случайно пнул ногой какой-то предмет, покотившийся по полу. Присмотревшись, он узнал старинный Наконечник Бронзовой Алебарды, который вчера притащил Дуань Чжэн. Он отчетливо помнил, как вечером, изучив странные узоры, оставил его на прикроватной тумбочке.

Но от тумбочки до порога спальни — добрых шагов десять! Как тяжелая бронза могла улететь так далеко?

Подняв Наконечник, Чжоу Тун с удивлением заметил, что патина на нем потемнела. Прежняя ярко-зеленая окись теперь отливала мрачной чернотой, плотно въевшейся в металл. Положив тяжелую вещь на ладонь, он всмотрелся в узор на боковой части — той самой, что вызывала у него столько вопросов накануне.

«Кажется, здесь не хватает нескольких штрихов?»

Он осторожно провел пальцем по витиеватой гравировке. Чутье подсказывало: хитросплетение линий изменилось. Чжоу Тун достал телефон, открыл сделанный вчера снимок и сравнил оригинал с фотографией. Сомнений не оставалось — часть мелких насечек просто исчезла.

Холодок пробежал по его спине. С этой древней железкой определенно было что-то не так.

Пока он размышлял, над потемневшей бронзой внезапно заколыхались едва заметные струйки пара. Словно обрывки тончайшего шелка, они обвинили Наконечник и безвольно втянулись обратно вглубь рисунка.

Энергия светилась мягким голубоватым светом — чистая, благородная ци. Припомнив

наставления из трактата «Метод Распознавания Энергии», Чжоу Тун решил пока не делать поспешных выводов и не избавляться от находки.

Поразмыслив, он вновь набрал номер Дуань Чжэна, чтобы прояснить ситуацию. Однако три звонка подряд ушли в пустоту.

«Вечно этот толстяк носит сломя голову, выбивая очередную сделку», — вздохнул Чжоу Тун и быстро набил короткое сообщение: «Как освободишься, срочно дуй ко мне. Дело важное».

Поколебавшись, он бережно уложил Наконечник обратно в деревянную шкатулку и, прижав ее к груди, пошел открывать лавку.

Стоило ему переступить порог торгового зала, как воздух вокруг наполнился едва слышным, благоговейным гулом. Свечи, плошки с киноварью, стопки желтой бумаги для талисманов и висящий на стене меч из медных монет — все словно ожило, потянувшись к нему в безмолвном приветствии. Облака цветного тумана — где-то яркие, где-то едва тлеющие — клубились над вещами, вырываясь наружу.

Чжоу Тун застыл в недоумении. Возникало дикое ощущение, будто вся его лавка замерла в нетерпеливом предвкушении, готовая сорваться с места по первому его зову.

«Неодушевленные предметы... жаждут действия?» — от этой нелепой мысли у него по коже побежали мурашки.

Чжоу Тун отодвинул засов и распахнул тяжелые двери. Прямо на пороге стоял тощий, похожий на иссохшую мумию старик в поношенном даосском халате. Его мелкие, крысиные глазки испуганно округлились. Очевидно, разум даоса Яна не успел совладать с потрясением, и он ляпнул первое, что пришло в голову:

— Ты?! Живой?!

Вспомнив ночной жар, Чжоу Тун окончательно убедился, чьих рук это дело. Тем не менее он ничем не выдал своего гнева. На его губах заиграла мягкая, безукоризненно вежливая улыбка, хотя взгляд оставался ледяным:

— Вашими молитвами, почтенный дядюшка. Как видите, в полном здравии.

Пока старый даос лихорадочно соображал, что пошло не так, Чжоу Тун беспрепятственно сканировал его взглядом. Старику перевалило за шестьдесят, внешне он казался крепким, но новые глаза видели насквозь: все его внутренности давно подточила гниль. Вокруг фигуры даоса вился грязный, смердящий шлейф темной энергии. Такое плотное, застоявшееся облако зла могло скопиться лишь вокруг того, кто всю жизнь промышлял гнусными делами.

Но больше всего Чжоу Туна поразило то, как вели себя эти миазмы: они ядовитыми ручейками стекались к его поясу. Человеческое тело — замкнутый круг, где жизненные соки циркулируют непрерывно, порой задерживаясь у сердца, но никак не у бедра. Чжоу Тун пригляделся и сквозь плотную ткань даосской рясы различил очертания скрытого прибора.

То был Компас Иньских Оков. Окутанный тяжелой, густой дымкой, он, подобно паразиту, медленно, нить за нитью, высасывал остатки жизненных сил своего хозяина. Две темные ауры переплелись столь прочно, что казались единым целым — этот зловещий союз длился явно не первый год.

Справившись с лицом, старый проныра прищурился и вкрадчиво спросил:

— Племянник, неужто вчера к тебе в гости заглядывал какой-то великий мастер?

— Откуда здесь взяться мастерам? — кротко отозвался Чжоу Тун. — Вам ли не знать, дядюшка, что я давно живу один-одинешенек.

— И то верно, — пробормотал старик.

Судя по безмолвию его компаса, никаких могущественных защитников в доме не было. Но как обычный юнец сумел пережить смертоносный капкан, который даос кропотливо выстраивал целое десятилетие? Мало того что выжил, так еще и выглядит на диво посвежевшим.

Тревога не давала даосу покоя. Осмотревшись по сторонам, он приторно улыбнулся:

— Что ж, раз так, старик заглянул к тебе на чашку чая. Потолкуем о делах былых, помянем твоего покойного отца. Не откажешь старшему?

Чжоу Тун поморщился. Меньше всего ему хотелось пускать этого мерзавца за порог. Однако за его спиной в лавке началось нечто невообразимое. Магические предметы задрожали от бешеного восторга. Свечи исходили искрами, а их ауры неистово взметнулись вверх, словно безмолвно вопя: «Пусти его! Живее пусти!»

Не желая портить веселье своим маленьким «помощникам», Чжоу Тун отступил, освобождая дорогу. Стоило даосу переступить порог, как невидимые вихри энергии устремились к нему, плотно сжавшись в кольцо.

Старик мгновенно почувствовал неладное. В груди противно сжало, дышать стало на удивление тяжело. Он опустил руку к бедру, проверяя скрытый компас, но тот молчал, не подавая сигналов опасности. Списав все на душный воздух, даос уверенно направился к резному креслу.

Но стоило ему начать опускаться, как тяжелое деревянное сиденье само по себе с сухим

стуком отъехало назад. Даос с размаху приземлился задом прямо на холодный пол.

Ошарашенный и злой, он уже открыл рот, чтобы обвинить во всем хозяина лавки, но Чжоу Тун опередил его, состроив самое невинное и встревоженное лицо:

— Ох, дядюшка, что же вы так неаккуратно? Зачем на пол-то уселись, когда кресло рядом стоит?

Оглянувшись, старик опешил: кресло неподвижно виселось ровно на том же месте. Неужели от усталости помутилось в глазах? Всю ночь он предвкушал, как сын ненавистного Чжоу Да будет корчиться в агонии от его смертоносного ритуала, смывая кровью старые обиды. От сладких мыслей о мести он не сомкнул глаз, примчался на рассвете, чтобы насладиться зрелищем труп... а в итоге сам валяется на грязном полу, пока этот щегол издевательски улыбается.

Кое-как поднявшись, даос принял из рук Чжоу Туна пиалу с чаем. Сделал первый глоток — приятный, умеренно теплый напиток. Но стоило припасть к краям во второй раз, как жидкость мгновенно обратилась в бурлящий кипяток.

Обжегшись до слез, старик взвыл, выронив чашку на пол.

— Чжоу Тун! — взревел он, теряя остатки самообладания.

— К чему так шуметь, дядюшка? Я прекрасно вас слышу, — мягко укорил его юноша. — Я ведь предупреждал, что чай только-только заварился, нужно быть осмотрительнее.

Даос задохнулся от ярости. Его колотило, но против этой приторной вежливости у него не нашлось оружия. Взгляд его метался по лавке, и каждая деталь здесь теперь казалась ему зловещей насмешкой. Плевать, как этот щенок уцелел. Главное — стереть его в порошок.

Не говоря ни слова, старик круто развернулся и бросился прочь.

Но у самого выхода его нога зацепилась за высокий деревянный порог. С глухим стуком даос полетел кубарем, пересчитав ребрами все каменные ступени крыльца, и растянулся в пыли, жалобно скуля. От былого величия «почтенного мастера» не осталось и следа.

Чжоу Тун не выдержал и тихо фыркнул. Поймав полный ненависти взгляд снизу, он лишь шире улыбнулся — вежливо и обезоруживающе. Лавка за его спиной буквально ходила ходуном от беззвучного хохота: артефакты мелко вибрировали, сплетая свои ауры в причудливом танце.

Сняв со стены меч из медных монет, Чжоу Тун принялся любовно протирать его замшей.

— Ну и проказники же вы, — покачал он головой.

Меч в его руках согласно звякнул. Только сейчас Чжоу Тун окончательно осознал: древние безделушки, среди которых он вырос, действительно обладали собственной душой. Они были живыми.

Вдруг лежащая на прилавке деревянная шкатулка подпрыгнула. Из щели между крышкой и корпусом выскользнула струйка чистой лазурной энергии. Сгустившись, она приняла форму крошечного, полупрозрачного человечка. Тот уселся на крышку коробки, высокомерно закинул ногу на ногу, скрестил руки на груди и недовольно заворчал:

— Вот же не повезло... Мало того что умудрился потерять одну из душ, так еще и вынужден глотать пыль в этой дыре. Хоть бы капелькой чистой энергии угостили! Ладно уж, я бы и скверной не побрезговал. А этот жалкий Компас Иньских Оков — просто посмешище. Увидел меня и сразу поджал хвост, даже пискнуть не посмел. Трусливая железка.

Разумеется, его ворчание осталось неслышанным. Поняв, что сотрясает воздух впустую, крошечный дух обиженно фыркнул и юркнул обратно в шкатулку, растворившись в витиеватом узоре на бронзе.

<http://bllate.org/book/18246/1749139>